

И. Ю. Кукса

**МОДАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)**

Рассматривается категория языковой модальности как способ реализации авторских интенций в газетном тексте. Выявляются модальные значения, свидетельствующие об отношении автора к сообщаемому, и средства их выражения. Устанавливается взаимодействие объективно-модальных и субъективно-модальных смыслов в газетном тексте второй половины XIX в.

This article considers the category of language modality as a means to implement the author's intentions in a newspaper text. The modal meanings indicative of the author's attitude to the message and the means of its expression are identified. The interaction between objective and subjective modal meanings is described for newspaper texts of the second half of the 19th century.

Ключевые слова: категория модальности, субъективная модальность, газетный текст, авторская позиция, история отечественной периодики, диахрония.

Key words: category of modality, subjective modality, newspaper text, author's attitude, history of Russian periodicals, diachronic linguistics.

Материалом для изучения характера модальных отношений в газетном тексте послужили передовые статьи, опубликованные в первых десяти выпусках «Московских ведомостей» за 1873 г., из которых методом сплошной выборки извлечены примеры функционирования средств выражения отношения автора к содержанию сообщений.

Обращенность к адресату, как известно, — один из значимых признаков любого текста, а адресант и адресат представляют собой два «антропоцентра коммуникации» [4, с. 29]. Газетный текст как коммуникативное явление не может не быть ориентирован на читателя, однако сама по себе ориентация исторически изменчива. К моменту, когда «Московские ведомости» переходят в аренду к М. Каткову и когда выходит, по сути, первый «закон о печати» — «Временные правила о печати», по мере социально-экономических и политических изменений в жизни общества меняется и характер такой ориентации. Это связано, во-первых, с увеличением количества газет (в 1809 г. их было три, в 1861 г. — уже 20, в 1870 г. — 36). Во-вторых, рост городов и промышленности создает условия для формирования «нового массового читателя» и сегментации аудитории «по роду занятий» (купцы, приказчики, мелкие служащие, ремесленники, извозчики, прислуга, крестьяне и др.). В-третьих, пресса уже дифференцируется по ряду признаков по специфике содержания. Так, система периодической печати в пореформенное время второй половины XIX в. представлена тремя основными направлениями: консервативно-монархическим («Русский вестник», «Московские ведомости», «Гражданин» и др.), либерально-буржуазным («Вестник Европы», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости» и др.) и демократическим («Искра», «Отечественные записки», «Дело» и др.). С 1863 г. появляются так называемые «народные», «ремесленные» газеты [3, с. 50; 2, с. 28–31]. Таким образом, газеты, конкурируя и друг с другом и с журналами, становятся перед необходимостью удовлетворять растущие потребности читателей в информации и все больше ориентируются на целевую аудиторию единомышленников. При этом уже есть возможность выбора издания, близкого читателю по идеологии и содержанию.

В таких условиях возрастает и значимость авторской позиции в газетном тексте, выражаемой с помощью средств, обозначающих отношение к сообщаемому и отобранным с целью убеждения и привлечения целевой аудитории. Интерес к подобным средствам с неизбежностью обуславливает обращение к одной из языковых универсалий — категории модальности, в частности к ее структурно-содержательному элементу (субъективной модальности), план выражения которого в общем виде — обозначение отношения говорящего (автора) к высказыванию. Следует подчеркнуть, что в тексте, как неоднократно отмечалось исследователями [1; 8] (тем более — в газетно-публицистическом [4; 5; 10]), субъективная модальность в функционально-содержательном плане «перерастает» рамки отдельного высказывания и становится текстообразующей категорией. Способами выражения авторской позиции при этом становятся не только специализированные языковые средства, но и отбор фактов, их размещение в газете, на полосе и др.

Главная задача «Московских ведомостей» — сообщить целевой аудитории о произошедших событиях. Но не менее важной становится и формирование читательской позиции (и масштабнее — общественного мнения), убеждение читателя «в правильности авторского видения, авторской трактовки действительности» [4, с. 61]. В этих целях автор га-

зетного текста стремится подчеркнуть собственное отношение к информации, к фактам и явлениям, исходя из своего мнения и ориентируясь на идеологическую направленность издания. Поскольку монархическая печать стояла на позициях безоговорочной защиты монархии, дворянства, православия, государственности, то, соответственно, и общественное мнение формировалось в интересах монархической власти.

Факты, свидетельствующие о довольно успешной реализации названных задач, отмечены исследователями истории отечественной печати. Так, по их мнению, газета входит в число не только лидеров среди консервативных изданий, но и ведущих в 60–70-е гг. XIX в. Популярность ее выросла благодаря яркой патриотической позиции в 1863 г. во время Польского восстания и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Издатель и его детище открыто защищают интересы монархии, осуждают проявление свободомыслия, социалистов-нигилистов, бунтующих крестьян и рабочих, требуют от правительства «крутых мер». Это приводит к привлечению значительного количества подписчиков из среды привилегированных классов, особенно поместного дворянства, и увеличению тиража газеты до 12 тыс. [3, с. 50; 2, с. 28–31], что свидетельствует и о соответствии направленности издания запросам читательской аудитории, и о понимании специфики адресата.

Естественно, для реализации второй из вышеназванных проблем служат и языковые средства, обозначающие отношение автора к описываемым событиям, основными из которых становятся факты внутренней и внешней политики, отечественные и зарубежные новости (в том числе в сфере экономики, культуры, науки), городская и судебная хроники.

Не претендуя на полнообъемную характеристику модальных смыслов в текстах «Московских ведомостей», проиллюстрируем некоторыми примерами сложность реализуемых в них модальных отношений, во многом определяемых авторским намерением и коммуникативной задачей.

Предварительно отметим, что, несмотря на увеличение числа материалов от собственных и специальных корреспондентов, большинство публикаций размещается в газете все еще без указания авторства, корреспонденты оставались анонимными и неизвестными, что, впрочем, не исключало выражения ими своей позиции.

Для подчеркивания объективности и достоверности информации используются вводные конструкции со значением «ссылка на конкретный источник информации» с обозначением самого источника:

Сдѣлано это, какъ объясняетъ *правительственное сообщеніе*, для того чтобы придать цифрамъ росписи болѣе дѣйствительное значеніе (№6, с. 21)¹; Рѣдко бываетъ, говорить напримѣръ *Saturday Review*, чтобы Новый Годъ открывался для какой-нибудь страны съ такими добрыми видами со всѣхъ сторонъ, какъ открывается нынѣшній Новый Годъ въ Англіи (№1, с. 1);

¹ Здесь и далее примеры приводятся по изд.: [9]. В скобках указывается номер газеты и страница, на которой находится пример.

Вздорожаніе каменнаго угля должно было облегчить успѣхи нашей возникающей каменно-угольной промышленности и дѣйствительно, какъ читатели узнали изъ статьи весьма компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица г. Л. Ж. О Никити-Знаменской желѣзной дорогѣ, Москва начинаетъ уже требовать уголь и антрацитъ съ Дону (№3, с. 13).

Для обозначения конкретнаго источника информации с целью акцентирования ее реальности, официальности, проверенности и отчасти достоверности используются и сложноподчиненные изъяснительные предложения:

20

Изъ отчетовъ государственнаго контроля явствуетъ, что параллельно съ избыткомъ поступления почти всѣхъ государственныхъ доходовъ, нѣсколько уменьшилось поступленіе теперешнихъ прямыхъ подушныхъ податей (№3, с. 10); Авторъ помѣщенной во вчерашнемъ номерѣ нашей газеты статьи о рельсовомъ производствѣ, агентъ Московско-Брѣстской желѣзной дороги г. Десяревъ справедливо замѣчаетъ, что рельсовые заводы будутъ выгодны въ московскомъ бассейнѣ (№3, с. 13); Полученные сегодня французскія газеты сообщаютъ, что во время преній... зашелъ споръ между генераломъ Гильйоме и герцогомъ де-Ларошфуко-Бизаччіа (№7, с. 28).

В качестве основных источников используются материалы собственных корреспондентов «Московских ведомостей», другие печатные издания, официальные документы, а также данные информационных агентств («Гавас», «Рейтер», «Вольф», МТА, РТА).

Когда источник информации либо не определен, либо не может быть обозначен явно, употребляются вводные конструкции «как (сколько) известно», «известно, что», «как говорятъ», «как сказываютъ»:

Как известно, приговоръ его присудилъ Англію къ уплатѣ трехъ съ половиною милліоновъ долларовъ (№1, с. 1); При распространеніи христіанства... которое, как сказываютъ, дѣлаетъ тамъ [в Японіи] быстрые успѣхи, страна эта дѣйствительно можетъ радикально преобразоваться (№2, с. 8); Работы организационной комиссіи, сколько известно, приходили къ концу еще въ прошломъ году (№3, с. 10).

Как свидетельствуютъ вышеприведенные примеры, реальность информации обеспечивается типичными средствами выражения значеній объективной модальности, которые преимущественно представлены конструкціями с глаголами изъявительнаго наклоненія в формахъ настоящаго и прошедшаго времени. Средства выражения ситуативной модальности (должно было облегчить, можетъ преобразоваться) конкретизируютъ сообщаемое с точки зрѣнія возможности / необходимости. Авторскую позицію акцентируютъ и наречія образа действия (например, справедливо), с помощью которыхъ передается одобрительная оценка. При этомъ ссылка на источникъ с его обозначеніемъ становится косвеннымъ способомъ подчеркиванія реальности/нереальности, достоверности / недостоверности предъявляемыхъ читателю событій и фактовъ.

Все реже в качестве источника информации обозначаются слухи, соответственно, реже используются привычные (если не сказать — типичные) для первых отечественных газет речевые формулы «по слухам», «слух есть» и тому подобные:

Правда, есть слух о томъ что кievская администрація продолжаетъ вырaбатывать проекты сельскихъ банковъ, что *предполагаются* банки волостныя дѣйствующіе на нѣсколько иныхъ условіяхъ чѣмъ ссудо-сберегательныя товарищества (№5, с. 19).

Значение гипотетичности, предположения поддерживается соответствующими лексемами, что в совокупности с вводными словами создает впечатление не вполне достоверной информации (по крайней мере — непроверенной). Однако использование слухов как источника становится поводом для выражения авторской позиции, например, в отношении идеи организации банков «на мирской капиталъ»:

Не знаемъ насколько справедливы эти слухи, но *нѣтъ сомненія* что при образованіи банка на мирской капиталъ, как предполагается въ юго-западномъ краѣ, а не на вклады пайщиковъ, *можно постановить* условія, которыя открыли бы нѣкоторый кредитъ самымъ бѣднымъ крестьянамъ (№5, с. 19).

Автор не настаивает на справедливости слухов, но при этом использует вводные слова со значением категорической достоверности (*нѣтъ сомненія*) и стандартное средство выражения значения возможности «модальный модификатор + инфинитив» (*можно постановить*) для обозначения собственной позиции, которая заключается в поддержке организации такого рода банков в интересах самой социально незащищенной категории.

Использование предложений с вводными конструкциями, обозначающими неофициальный и/или недостоверный источник информации, в том числе полученную из «вторых рук», преимущественно обусловлено коммуникативной задачей автора донести до читателя значимые сведения, даже если они еще не проверены и нет уверенности в реальности (осуществленности) описываемого положения дел:

До нашего свѣдѣнія доходитъ, что медицинскій факультетъ Московскаго университета выработалъ недавно *весьма важное, имѣющее интересъ и для обширныхъ круговъ публики* предположеніе, представляющее *значительныя выгоды* не только для факультета, но и вообще для учебнаго дѣла въ Москвѣ, а *наконецъ всего болѣе для самаго города, весьма нуждающагося въ расширеніи и улучшеніи больничныхъ помѣщеній* (№13, с. 40).

В ряде случаев модальные значения выражаются комплексом грамматических и лексических средств (условные сложноподчиненные предложения, вводные конструкции, лексемы со значением незнания, сомнения, требования, сочетания «модальный модификатор + инфинитив»):

Мы *не знаемъ* насколько справедливы *слухи*, что Кіевскій банкъ будетъ энергически поддерживать владѣльцевъ хотя бы и польскаго происхожденія. *Если* эти слухи вѣрны, *то можно усомниться* въ пригодности распространенія на Западный край новыхъ проектированныхъ правилъ объ акціонерныхъ компаніяхъ, гдѣ полагается разрѣшать ихъ по нормальному образцу.

Очень *может быть* что въ Западномъ краѣ *потребуется* особыя обезпеченія противъ возможности дѣйствія акціонерныхъ обществъ въ ущербъ интересамъ Россіи и правительственной политикѣ (№5, с. 19).

Подобные примеры в очередной раз иллюстрируют сложность модального «рисунка» в газетном тексте, которая помимо прочих причин обусловлена и двойственностью задачи: сообщить информацию по неписанным, но уже существующим правилам, маркируя и источник и ее характер (проверенная или нет, достоверная или сомнительная), и вместе с тем формировать общественное мнение как к самой проблеме земельных банков в Западном крае, так и к предлагаемым нововведениям жесткого характера в отношении акционерных обществ во имя интересов Российской империи, поскольку «разрешение этихъ банковъ приключилось такъ-сказать нечаянно безъ обсужденія вопроса объ интересахъ Россіи касательно обстоятельствъ землевладенія въ западномъ крае» (№5, с. 19). Попутно заметим, что такая позиция по конкретному поводу в целом соответствует и концепции консервативно-монархического издания (обеспечение интересов государственности и правительственной политики).

Наиболее яркими средствами выражения авторского отношения к сообщаемому являются две группы вводных слов, словосочетаний и конструкций — со значением эмоциональной оценки (одобрение — неодобрение) и оценки степени достоверности:

Къ сожаленію, выборы въ новое управление Москвы произошли почти вовсе безъ избирательной гласности... (№4, с. 15); *К счастью*, имѣлись еще ресурсы отъ прежнихъ годовъ (№6, с. 24); Въ нѣкоторыхъ городахъ первенствуютъ трактирщики, чего, *конечно*, не имѣлось въ виду при составленіи Положенія (№4, с. 15); *Нѣтъ сомненія* что и въ таможенныхъ порядкахъ многое можетъ быть еще улучшено, упрощено и облегчено (№10, с. 34); Но замѣчаетъ что графъ Парижский высказалъ въ этомъ разговорѣ *вѣроятно* то же самое что онъ всегда говорилъ въ подобныхъ случаяхъ (№7, с. 28); *По всей вѣроятности*, и в этомъ случаѣ цѣль г. Тьера будетъ достигнута (№1, с. 4).

Исследованный нами материал свидетельствует об определенном количественном балансе употребления средств выражения категорической достоверности (уверенности), с одной стороны, и проблематической достоверности (неуверенности) — с другой.

В ряде случаев вводные слова и конструкции со стандартным значением проблематичной достоверности служат для некоторого смягчения категоричного тона публикации, когда автор не может не выразить собственное мнение по поводу сообщаемого (происходящего или происшедшего) и свою оценку, как правило, негативную:

Противникамъ учебнаго вѣдомства *надобно бы, кажется*, смолкнуть, но они приблигають къ новой страгемѣ, отъ которой *мы считаемъ долгомъ предостеречь публику* (№3, с. 10); Намъ неизвѣстны подробности счетныхъ пріемовъ при составленіи бюджетовъ, *по видимому*, они привели и нынѣ къ результатамъ *сомнительнымъ* (№6, с. 23); Банки западнаго края получили привилегированное положеніе: въ западномъ краѣ, *вѣроятно по недоразумѣнію*, не дозволено дѣйствовать банкамъ внутреннихъ губерній (№3, с. 13).

Функционально-содержательную роль в реализации модальных смыслов играют и частицы, что неоднократно отмечалось учеными [6; 7]. В исследуемых газетных текстах частицы чаще всего выполняют функции выделения, подчеркивания исключительности, «единственности» сообщаемого:

Дѣла смотря такъ хорошо, что, *лишь* руководясь общимъ опытомъ человечества, мы ищемъ черныхъ точекъ на горизонтѣ, но должны признать фактъ... что мы *лишь* теперь съ полнымъ правомъ можемъ произнести слова лорда Гранвиля... что нѣтъ никакого облака на небосклонѣ нашихъ внѣшнихъ дѣлъ (№1, с. 1); Если будущее не совсѣмъ прозрачно для Англии, то *лишь* по внутреннимъ дѣламъ (№1, с. 2); Чехи... забываютъ, что Мадыяры обязаны своимъ успѣхомъ *лишь* внѣшней войнѣ (№2, с. 5); Утверждали, что *только* такія училища намъ нужны, что *только* такимъ будетъ сочувствовать русское общество (№3, с. 9).

В других случаях используются частицы со значением сомнения:

Едва ли можно сомнѣваться, что проектъ этотъ будетъ принятъ рейхсратомъ въ его нынѣшнемъ составѣ (№2, с. 4–5); Противникамъ учебнаго вѣдомства надобно *бы*, кажется, смолкнуть... (№3, с. 10).

Подобные примеры немногочисленны, и это вполне объяснимо, ведь авторская позиция состоит не в том, чтобы заставить читателя сомневаться, а в том, чтобы, спрогнозировав действие в первом случае и эксплицитно упрекнув в непонятливости «противников» — во втором, сформировать убеждение, что проект будет принят, а противникам надо было смолкнуть безо всякого «кажется». Реализация замысла обеспечивается и совокупностью модальных средств (конструкциями «модальный модификатор + инфинитив» со значением возможности — *можно сомневаться*, необходимости — *надобно смолкнуть*, вводным словом со значением неуверенности — *кажется*), и общим контекстом. Это в очередной раз иллюстрирует комплексный характер разноуровневых языковых средств, с помощью которых в газетном тексте функционируют модальные смыслы.

Употребление указательной частицы *вот* свидетельствуют о стремлении автора подчеркнуть, особо выделить произошедший факт, при этом модальную основу конструкции составляет значение объективной модальности (информирование с помощью глагола в изъявительном наклонении в прошедшем времени об уже свершившемся событии, не потерявшем социальную значимость):

Но *вотъ* вышелъ уставъ реальныхъ училищъ 1872 года, основанный на серьезномъ изученіи дѣла и на правильной оцѣнкѣ потребностей Россіи (№3, с. 9–10).

Иными словами, частицы используются как средство подчеркивания (или усиления) и выделения значимых, по мнению автора, компонентов сообщаемого.

Таким образом, материал «Московских ведомостей» свидетельствует, что языковая модальность как текстообразующая категория играет значимую структурно-смысловую роль: благодаря комплексу разноуровневых средств ее выражения в газетном тексте органично представлено предьявление читателю событий, фактов, явлений действительности и отношение к ним автора текста.

Список литературы

1. Дронова Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск, 2006.
2. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. М., 1971.
3. Есин Б. И., Кузнецов И. В. Триста лет отечественной журналистики (1702—2002). М., 2002.
4. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
5. Краснова Т. И. Субъективность — модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.
6. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 2005.
7. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
8. Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб., 2003.
9. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1897—1898.
10. Солганик Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестник Московского ун-та. 2001. №3, сер. 10 : Журналистика. С. 74—83.

Об авторе

Ирина Юрьевна Кукса — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: ikuksa@kantiana.ru

About the author

Dr Irina Kuksa, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: ikuksa@kantiana.ru